
*Б. П. МИЛОВИДОВ**

**АКАДЕМИК Е. В. ТАРЛЕ
В ЛЕНИНГРАДСКОМ ОТДЕЛЕНИИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР****

Статья основана на делопроизводственных документах Института истории АН СССР и его Ленинградского отделения. Она позволяет преодолеть сложившуюся в историографии традицию рассмотрения биографии Е. В. Тарле вне институтов, с которыми он был связан.

Е. В. Тарле был зачислен в штат ЛОИИ 1 апреля 1937 г. и оставался его сотрудником до 1953 г. Прием на работу в ЛОИИ можно считать одним из шагов в процессе восстановления статуса ученого после возвращения из ссылки. Хотя в 1945–1953 гг. ученый жил на два города, проводя большую часть времени в Москве, но связи с ЛОИИ не порывал. В стенах ЛОИИ его затронули в той или иной форме идеологические компании 1930–1950-х. Он участвовал в формировании некоторых научных институций, сохранившихся до сих пор (совместные заседания отделов). В ЛОИИ числилась его референт А. В. Паевская. Введенные в научный оборот документы позволяют увидеть знаменитого ученого в естественной для него среде – действующего в рамках академического общения, в окружении коллег-исследователей (на Ученом совете, на заседаниях групп), когда он мог в публичном пространстве максимально откровенно (насколько, конечно, вообще позволяло время) высказывать свои суждения и артикулировать исследовательские принципы. Еще одна сторона его личности, отразившаяся в архивных документах – следование высоким этическим принципам научной корпорации, стремление защитить ближайших сотрудников, учеников. Наконец, документы Института позволяют лучше проследить изменение тематики его исследований под влиянием внешних обстоятельств и в какой-то степени, сопротивление этим обстоятельствам.

Ключевые слова: Е. В. Тарле, Ленинградское отделение Института истории АН СССР, Р. М. Тонкова, А. В. Паевская, борьба с космополитизмом, академические институции, тематика исследований, историческая наука в СССР, внеакадемические влияния на науку.

* **Борис Павлович Миловидов** – младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, главный специалист, Российский государственный исторический архив. E-mail: milbp@yandex.ru.

Milovidov Boris P. – Junior researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Chief Specialist, Russian State Historical Archive (St. Petersburg). E-mail: milbp@yandex.ru.

** Исследование выполнено в рамках темы государственного задания «Российская империя: структуры государства, социум и экономика (FMZM-2024-0010)».

Поступила в редакцию: 20.02.2026

Принята к печати: 09.07.2026

DOI: 10.7868/S0130086526030091

ACADEMICIAN E. V. TARLE AT THE LENINGRAD BRANCH OF THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES

The article is based on the records of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences and its Leningrad branch. It allows us to overcome the tradition in historiography of considering E. V. Tarle's biography outside the institutions with which he was associated. E. V. Tarle was appointed to the staff of the Leningrad Institute of History on April 1, 1937, and remained a member of the staff until 1953. His appointment to the Leningrad Institute of History can be considered one of the steps in the process of restoring his status as a scholar after his return from exile. Although in 1945–1953, the scientist lived in two cities, spending most of his time in Moscow, he did not sever ties with the Leningrad Institute of History of Science. The ideological campaigns of the 1930s and 1950s had an impact on him within the walls of the Leningrad Institute of History of Science. He participated in the formation of several scientific institutions that still exist today (such as joint meetings of departments). A. V. Paevskaya was listed as his reference at the Leningrad State University. The documents introduced into scientific circulation allow us to see the famous scientist in his natural environment, acting within the framework of academic communication, surrounded by fellow researchers (at the Academic Council and at group meetings), where he could express his opinions and articulate his research principles as openly as possible (as much as time allowed). Another aspect of his personality that is reflected in the archival documents is his adherence to the high ethical principles of the scientific community and his desire to protect his closest colleagues and students. Finally, the Institute's documents provide a better understanding of how its research topics have evolved in response to external circumstances and, to some extent, how it has resisted these circumstances.

Keywords: E. V. Tarle, Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, R. M. Tonkova, A. V. Paevskaya, the fight against cosmopolitanism, academic institutions, research topics, historical science in the USSR, and non-academic influences on science.

Е. В. Тарле был зачислен в штат Ленинградского отделения Института истории 1 апреля 1937 г. и оставался его сотрудником до 1953 г., когда отделение было закрыто. Хотя в послевоенные годы ученый жил на два города, проводя большую часть времени в Москве, связи с ЛОИИ он не порывал. Все его основные работы после 1937 г. значатся в планах и отчетах ЛОИИ. Тарле периодически выступал оппонентом на защитах диссертаций, участвовал в заседаниях Ученого совета, группы Новой истории (позднее группы истории стран Западной Европы, группы Всеобщей истории). В стенах ЛОИИ его затронули в той или иной форме идеологические компании 1940–1950-х. В ЛОИИ числилась его референт А. В. Паевская.

Его помнили тогдашние аспиранты и начинающие исследователи, а потом известные ученые, составившие славу ЛОИИ, такие как Н. Е. Носов, А. А. Фурсенко, Р. Ш. Ганелин¹.

Вместе с тем характерная черта классических работ о Тарле, в частности Б. С. Кагановича и особенно Е. И. Чапкевича², – некоторая внеинституциональность. Жизнь и творчество ученого представлены в них мало связанными с научным учреждением, в котором он работал. Учитывая масштаб личности Тарле, это объяснимо; тем не менее обращение к материалам архивов Института истории позволяет несколько расширить привычную оптику, показать Тарле в кругу академического сообщества, в отношениях с коллегами, уточнить и детализировать хронологию работы ученого над его трудами, обстоятельства изменения тематики его исследований.

В 1930 г. Тарле был арестован по сфабрикованному Академическому делу и после приговора в августе 1931 г. выслан в Алма-Ату. Осенью 1932 г. ученый был возвращен в Москву благодаря хлопотам французских историков, Р. Роллана и М. Горького. Уже в 1933 г. он получил возможность вернуться в Ленинград, стал профессором Ленинградского историко-лингвистического института (в который были тогда выделены гуманитарные факультеты Ленинградского университета), а с 1934 г. (после восстановления преподавания истории в университетах) был профессором исторического факультета ЛГУ³.

Постановлением Президиума ВЦИК 17 марта 1937 г. с Тарле была снята судимость⁴. 1 апреля 1937 г. Евгений Викторович был зачислен в штат ЛОИИ, в сектор Новой истории на должность старшего научного сотрудника с окладом 800 руб.⁵ В документах значится и адрес проживания ученого: Набережная 9 января, д. 30, кв. 4⁶. Среди решений Политбюро, принятых 25 апреля 1938 г., было следующее: «Считать возможным включение проф. Е. В. Тарле в состав членов Академии наук СССР». Этому

¹ Фурсенко А. А. Встречи с Е. В. Тарле // Всеобщая история и история культуры: петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 214–216; Носов Н. Е. Из воспоминаний об академике Евгении Викторовиче Тарле // Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти академика Е. В. Тарле. Л. 1972. С. 51–55; Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. 2-е изд. СПб., 2006. С. 17–18, 52–53, 88, 92.

² Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб., 2014; Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел, 1994.

³ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 169–170, 172.

⁴ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 186.

⁵ СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1446. Л. 20, 102.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1445. Л. 43.

предшествовало письмо Тарле к И. В. Сталину от 15 апреля 1938 г., в котором ученый просил восстановить его в качестве действительно-го члена Академии наук, что значило бы его «полную реабилитацию»⁷. Соответствующее решение Общего собрания АН последовало 29 сентября 1938 г.⁸ Таким образом, прием на работу в ЛОИИ можно считать одним из шагов в процессе если не реабилитации, то восстановления статуса ученого.

Незадолго до восстановления в Академии, 30 июня 1938 г., последовало знаменитое письмо Сталина к Тарле, в котором ему разрешалось ответить на уничтожающую критику, которой подвергся в «Правде» и «Известиях» его вышедший еще в 1936 г. «Наполеон». Разрешалось и новое издание «Наполеона». По словам Б. С. Кагановича, этим письмом был окончательно закреплён статус Тарле: «он признавался не марксистом, но ценным для советской власти спецом, к которому не стоит предъявлять особенно строгих требований в плане ортодоксии»⁹. Впрочем, сам Евгений Викторович в письме к Сталину от 15 апреля 1938 г. называл себя «беспартийным большевиком»¹⁰.

Сотрудники ЛОИИ должны были расписываться в журнале присутствия, но вместе с тем они должны были работать в архивах, где учет рабочего времени посетителей не велся. Зав. кадрами и секретарь ЛОИИ К. С. Богатырев 3 апреля 1937 г. подал доклад руководству, где обратил внимание на это обстоятельство. Сообщал он и о том, что часть старших научных сотрудников «приходит 2–3 раза в шестидневку, на час–два. Например, А. И. Молок, который задерживается 15–20 минут». А некоторые (В. Л. Богаевский и О. О. Крюгер) с мая 1936 г. вообще не были на работе за исключением 2–3 совещаний в вечернее время. В итоге было принято решение, чтобы старшие научные сотрудники не отмечались «в журнале расписок», среди них был и Тарле. То есть режим посещения ЛОИИ у него был относительно свободный¹¹.

В отчете за первую половину 1937 г., т. е. для Тарле за апрель–июнь, указано, что ученый в это время тяжело болел¹². Он сам пишет в кратком отчете от 1 июля: «в настоящее время я болен... и готовлюсь к близкой операции»¹³. Впрочем, болезнь не помешала ему участвовать 23 апреля в совещании старших научных сотрудников ЛОИИ, где обсуждался

⁷ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / Сост. В. Д. Есаков. Т. 1. 1922–1952. М., 2000. С. 267–268.

⁸ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 188.

⁹ Там же.

¹⁰ Академия наук в решениях Политбюро. С. 268.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1446. Л. 34, 40.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1493. Л. 41.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1494. Л. 13.

проект сборника, направленного на разоблачение «антисоветской и антиленинской позиции Покровского». Со своей стороны Тарле предложил две возможные темы статей: «Борьба Покровского против Ленина по вопросу о Брестском мире» и «Вопрос о царской дипломатии». Кроме того, Тарле указал на необходимость пересмотра взглядов М. Н. Покровского на русскую историографию¹⁴. Впрочем, в двух сборниках, изданных Институтом истории АН и разоблачавших позицию М. Н. Покровского, Тарле, никогда ее и не разделявший, участия не принял¹⁵. Свое отношение к Покровскому, сыгравшему определенную роль в его аресте, Тарле выразил в печати позже, в 1942 г., в докладе «О советской историографии» и в одноименной статье. Говоря «об особой актуальности истории войн и революций и осуждая Покровского и его школу за то, что они „разоружали“ народ перед лицом будущих агрессоров», Тарле тем не менее оговаривался, что «не обвиняет их в сознательно злонамеренной деятельности»¹⁶.

Участвовал Тарле и в формировании некоторых академических практик, существующих в СПБ ИИ РАН до сих пор. На заседании дирекции ЛОИИ 30 и 31 августа 1940 г., проводившемся с участием замдиректора Института истории А. М. Панкратовой, по предложению Тарле было принято решение о необходимости проведения совместных заседаний групп Новой истории и Истории СССР XIX–XX вв.¹⁷ Эта идея нашла свое воплощение в 1941 г.: в частности, на 22 мая 1941 г. на таком совместном заседании с докладом о континентальной блокаде и ее влиянии на развитие промышленности России выступал М. Ф. Злотников¹⁸. Сохранилась стенограмма этого объединенного заседания. Говоря о развитии промышленности в условиях континентальной блокады, Злотников вступил в спор с А. В. Предтеченским, критикуя в частности его докторскую диссертацию. По мнению Предтеченского, блокада не сыграла никакой роли в развитии промышленности в России, а протекционистский тариф 1811 г., наоборот, сыграл¹⁹. По мнению же Злотникова, и сам тариф являлся прямым следствием блокады. При этом Злотников упрекал Предтеченского в недостаточном знании архивного материала и в ошибочности применяемых методов²⁰. В дискуссии приняли участие А. И. Молок,

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1489. Л. 33 об.

¹⁵ Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сб. ст. Ч. 1. М.; Л., 1939; Ч. 2. М.; Л., 1940.

¹⁶ Цит. по: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 239.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1612. Л. 3.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 37, 38.

¹⁹ Предтеченский А. В. Политические настроения в России в начале XIX в. и их отражение в правительственной деятельности. Тезисы к дисс. ... д. и. н. Л., 1941.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 200–201.

А. В. Предтеченский, Д. Г. Куцентов. Сам Тарле ограничился ролью модератора, однако очень тактично, с присущим ему юмором, но вполне определенно подвел итог дискуссии: «Товарищ Злотников виновен в том, что не пришел на защиту диссертации Анат. Вас. И поэтому он приговаривается к прочтению отдельного реферата... Я бы на месте Анат. Вас... написавшего серьезную книгу, которая должна быть напечатана, круто пересмотрел эту главу о блокаде... Мне все-таки представляется, что Анатолий Васильевич увлекся некоторым желанием навести новизну и недостаточно (так в документе. – Б. М.) взял предмет, который мог бы составить содержание трех диссертаций. Блокада – чудовищно огромная вещь. Михаил Федотович полжизни сидит над блокадой. У него имеется огромная книга, которую Академия приняла с восторгом – и благополучно не печатает много лет»²¹. Тарле обратил внимание на необходимость рассматривать влияние блокады на российскую промышленность, учитывая сравнительно-исторический контекст, не игнорировать достижения зарубежной историографии²². Было бы странно, если бы на развитие промышленности других стран блокада повлияла положительно, «и только, как говорили славянофилы, Россию нельзя измерить общим аршином»²³. Обратил внимание Тарле и на необходимость осторожно относиться к свидетельствам современников – им «грощ цена», «в тогдашних обстоятельствах... нельзя было открыто выступать ни за ни против (блокады. – Б. М.). Это было „табу“». Я даже удивляюсь, что собрался какой-то материал», — говорил академик. Напротив, Тарле призывал, вопреки мнению Предтеченского, со вниманием относиться к донесениям французских дипломатов, имевших свою сеть информаторов²⁴. В целом это была высокопрофессиональная научная дискуссия, лишенная идеологической подоплеки, она продолжала начавшуюся ранее полемику. Тарле в марте 1941 г. выступал на защите докторской диссертации А. В. Предтеченского и также возражал против положения, будто бы континентальная блокада «в истории промышленности сыграла ничтожную роль»²⁵. А исследование М. Ф. Злотникова, именно Тарле инициированное и продолжившее его собственную работу, было опубликовано только в 1966 г. и то не целиком, часть, посвященная влиянию блокады на развитие промышленности России, осталась не напечатанной. Изданию предпослан

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 238 об. – 239.

²² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 240.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 239.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 239 об. – 240 об.

²⁵ Тарле Е. В. Выступление на защите докторской диссертации А. В. Предтеченского «Политические настроения в России в начале XIX века и их отражение в правительственной политике» (19 марта 1941 г.) // Тарле Е. В. Россия и Запад. Из неопубликованного и забытого. / Подг. печати Б. С. Каганович. СПб., 2020. С. 407.

комплементарный отзыв академика, данный в 1951 г. при очередной попытке опубликовать рукопись²⁶.

15 мая 1941 г. в ЛОИИ происходило совещание по обсуждению работы журнала «Историк-марксист». Представлявшая редакцию З. В. Мосина призывала критиковать недостатки. Тарле в своем выступлении весьма иронично отметил, что журнал «худощав», «имеет всегда чахоточный вид», т. е. листаж его явно мал для освещения тысячелетней истории, журнал почти не дает статей по Новой истории и по истории Средних веков, большую статью в нем напечатать нельзя, авторы «напишут большую статью, а в „Историк-марксист“ она никак не лезет». Другим важным недостатком академик считал низкое качество обзорных историографических статей, приводя в пример статью по истории французской революции²⁷: «Я заплатил бы этим авторам двойной гонорар, чтобы только не печатать этой статьи. Статья просто ужасающая. Авторы слегка порхали по книжкам, слегка смотрели обложки, но едва ли они даже читали то, о чем писали. Причем мало осведомленные авторы всегда считают, что похвалить неудобно, а если ругнуть, то подумают, что он больше знает, поэтому там несколько залихватский тон»²⁸. Говоря о слабости историографических работ, ученый позволил себе довольно смелые по тому времени высказывания: «У нас часто идут по линии наименьшего сопротивления в историографическом обзоре, т. е. спрашивают идеологический паспорт — ты буржуа умеренный или консервативный и т. д. А что ты сделал для науки, будь ты хоть 10 раз реакционер. Вот на это и надо обратить внимание. С точки зрения прогресса исторической науки у нас сплошь и рядом историографические обзоры грешат»²⁹.

Сохранились материалы об участии Тарле в работе Ученого совета ЛОИИ. 13 ноября 1940 г. проходила защита кандидатской диссертации сотрудника ЛОИИ Е. И. Бочкаревой, написавшей работу «История столыпинского аграрного указа 9 ноября 1906 г.». Оценивая это сочинение, Тарле видел заслугу автора в первую очередь в обращении к неизвестным ранее архивным материалам, хвалил за «способность к строго научной точности при установлении позиций и правительства, и буржуазии в 1906 г. сравнительно с периодом интегрального абсолютизма, царившего и *de facto* и *de jure* до октября 1905 г. Как всегда бывает в науке, это стремление к точности принесло автору большую пользу». Причем в отзыве совершенно отсутствует оценка работы с идеологиче-

²⁶ Злотников М. Ф. *Континентальная блокада и Россия*. М.; Л., 1966. С. 7–8.

²⁷ Французская буржуазная революция XVIII века (обзор литературы) // *Историк-марксист*. 1940. № 4–5. С. 114–125.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 90, 106, 107.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645. Л. 108.

ской точки зрения, соответствия ее марксистским канонам. В качестве совета автору для дальнейшей работы Тарле указал на необходимость изучения зарубежных откликов на указ, прежде всего в Германии³⁰. Это была одна из двух первых защит в ЛОИИ (в один день с Г. Е. Кочиным). Дело в том, что 21 октября 1940 г. зам. председателя Комитета по делам высшей школы И. И. Агроскин сообщил директору Института истории Б. Д. Грекову, что Высшая аттестационная комиссия не возражает против предоставления ЛОИИ права приема кандидатских диссертаций «с последующим утверждением Ученым советом Вашего института». Одновременно ВАК утвердила состав Ученого совета ЛОИИ, куда входил и Е. В. Тарле, и сама Е. И. Бочкарева, не имевшая еще ученой степени,³¹ но бывшая секретарем парторганизации, она же была и секретарем ученого совета³². Впрочем, сам Тарле на защите не присутствовал³³.

В общем, Е. В. Тарле вполне оправдывал свою репутацию ученого-немарксиста, позволявшего себе несколько дистанцироваться от политизации исторической науки.

Оказавшись в стенах ЛОИИ, Тарле продолжил свои исследования по истории Великой Французской революции и Наполеоновской эпохи. Согласно отчету о научной работе за третий квартал 1937 г., ученый занимался сбором материалов по теме «Венский конгресс», эта работа переходила и на 1938 год. Одновременно он должен был написать в антифашистский сборник статью «Геополитика в свете фашистской историографии». Однако для этого требовался допуск в специальные фонды БАН³⁴.

Вместе с тем, согласно годовому отчету за 1937 г., Тарле подготовил работу «Нашествие Наполеона на Россию» (18 п. л.), а работу «Жерминаль и Прерияль» издательство «Соцэкгиз» должно было выпустить в январе 1938 г.³⁵ Издание помечено 1937 годом³⁶.

Работа в ЛОИИ была интенсивная, так что в конце 1-го квартала 1938 г. Тарле вынужден был заявить, что не может взять на себя все предложенные ему статьи и по пятитомнику «Истории СССР», и по «Всемирной истории». Но одновременно он обещал сделать во втором полугодии два доклада – о Восточной войне и о рабочем движении во Франции эпохи Июльской монархии. Так что замысел «Крымской войны», очевидно, относится именно к этому времени³⁷. Впрочем, в плане на 1938 г. значится

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1614. Л. 70, 72–73.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1614. Л. 153.

³² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1614. Л. 162, 233.

³³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1614. Л. 161.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1491. Л. 9.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1493. Л. 18.

³⁶ Тарле Е. В. Жерминаль и Прерияль. М., 1937.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1530. Л. 7.

совместная с Ф. Н. Нотовичем монография «Европа и мировая война» (новое переработанное издание книги «Европа в эпоху империализма»). Участвует Тарле и в написании второго тома «Всемирной истории»³⁸. «Исследование по истории Восточной войны 1853–1856 гг.» появилось уже в плане работы академика на 1939 г. Объем предполагался небольшой – 12 п. л., причем в 1939 г. нужно было написать 6 п. л., а остальные в следующем. При этом Тарле редактировал и писал главы для «Всемирной истории»³⁹. В первоначальном общем плане Института истории на 1940 г. значилось, что сочинение о Крымской войне будет иметь объем в 25 л., причем в 1940 г. ученый должен был написать только половину⁴⁰.

Тем не менее в списке работ, подлежащих сдаче в 1940 г., составленном при подготовке плана на 1941 г., значится завершение 1-го тома «Крымской войны» в 30 п. л.⁴¹ В плане работы Ученого совета на 7 декабря 1940 г. значился отчет Е. В. Тарле об итогах его работы над первым томом «Крымской войны»⁴². Согласно одному из вариантов годового отчета, том уже начал печататься в Военно-морском издательстве⁴³. Согласно другому варианту отчета за 1940-й и плану на 1941 г. первый том должен был быть завершен и уйти в издательство только в феврале 1941 г.⁴⁴ Вероятно, значительное увеличение объема было обусловлено не только творческими планами ученого, но и ощущением общественной востребованности и актуальности темы. В перспективном плане на 1940 г. отмечалась необходимость усиления монографических исследований «по темам наиболее актуальным, вытекающим из указаний партии и правительства», сюда относилась и история международных отношений, и в частности Крымская война⁴⁵. Предполагалось заняться также популяризацией военной истории, в частности издать два выпуска трудов по истории войн, с акцентом на национально-освободительных войнах. Тарле рассматривался как автор главы о 1812 г. и соавтор главы о борьбе испанского народа против Наполеона⁴⁶.

Кроме работы над «Крымской войной» Тарле в 1940 г. написал несколько глав для «Истории дипломатии», участвовал в редактировании учебника для вузов по Новой истории и глав для «Всемирной истории», занимался рецензированием научных работ и диссертаций, сделал два научных доклада в ЛОИИ, а также доклад городскому партийному

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1522. Л. 7.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1581. Л. 5.

⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1617. Л. 15.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1652. Л. 52.

⁴² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1614. Л. 161.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 84–85.

⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 98, 194.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1617. Л. 24–25.

⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1617. Л. 26–27.

активу на тему «Английская дипломатия и Турция от Крымской войны до Лозаннской конференции». Кроме того, он руководил группой Новой истории ЛОИИ и докторантурой⁴⁷.

Согласно плану на 1941 г. Тарле предстояло писать второй том «Истории Восточной войны» (объем 25 л.), участвовать в работе по переизданию учебника по Новой истории, по редактированию «Всемирной истории», а также редактировать издание «Царизм и буржуазная революция во Франции»⁴⁸. Планировалось привлечь академика и к написанию «Истории Ленинграда», в частности поручить ему параграф «Петербург и внешняя политика Петра» (в него должен был войти материал по всему XVIII в.)⁴⁹. В планах Ученого совета на март 1941 г. значился доклад Тарле о значении выхода из печати первого тома «Истории дипломатии»⁵⁰. Стенограмма этого выступления сохранилась в фонде ЛОИИ⁵¹.

Война внесла коррективы в планы работы. Сотрудникам ЛОИИ было поручено написание небольших брошюр военно-патриотической тематики. В числе первых подготовленных работ было небольшое сочинение Тарле объемом в 5 п. л. «1812 год»⁵².

На заседании группы Новой истории 26 июня 1941 г. Тарле еще председательствовал. Представлялся отчет за полугодие: ученый закончил 1-й том «Крымской войны» и написал 18 п. л. из 2-го тома. Техническую работу по подготовке к печати 1-го тома вела Л. В. Шеншина, которая была секретарем академика и одновременно секретарем группы Новой истории⁵³. Согласно отчету ЛОИИ за первое полугодие написанный первый том «Крымской войны» составил 40 п. л., он «печатается в двух изданиях»⁵⁴. Машинопись первого тома с авторской правкой академика находится в архиве ЛОИИ⁵⁵.

На заседании группы 25 августа 1941 г. (без присутствия Тарле, председательствовал О. Л. Вайнштейн) обсуждались плановые работы сотрудников группы. За Тарле числилось все еще завершение работ по 1-му тому «Крымской войны», перепечатка первых 8 глав 2-го тома, разбор материалов для остальных глав 2-го тома (этим с 25 августа по 15 октября должна была заниматься Л. В. Шеншина)⁵⁶.

⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 98; Д. 1618. Л. 8.

⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1652. Л. 62; Д. 1616. Л. 194.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 201.

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1614. Л. 45; Д. 1616. Л. 98.

⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1643. Л. 76–129.

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 67.

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1660. Л. 18–19.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 63.

⁵⁵ Архив СПБНИИ РАН (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук). Ф. 276. Оп. 2. Д. 91.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1660. Л. 17.

Летом 1941 г. Тарле уехал в эвакуацию в Казань, где и остался, хотя большинство научных сотрудников ЛОИИ уехали дальше в Ташкент. Во время пребывания в Казани ставка его составляла 2000 р.⁵⁷

В 1943 г. академик переехал в Москву, где ему была предоставлена квартира в Доме правительства – знаменитом Доме на набережной. Но он сохранил за собой и ленинградскую квартиру на Дворцовой набережной и после снятия блокады вновь стал профессором ЛГУ и сотрудником ЛОИИ. Последние 10 лет своей жизни ученый жил на два города (он был профессором Московского государственного университета и Московского института международных отношений). По выражению биографа Тарле Б. С. Кагановича, «душа Тарле принадлежала Петербургу»⁵⁸.

В конце мая 1945 г. последовал приказ по ЛОИИ о создании группы по истории Западной Европы, которая состояла из Евгения Викторовича Тарле, Осипа Львовича Вайнштейна, Александра Ивановича Молока, а также Раисы Михайловны Тонковой. Руководство группой до возвращения в Ленинград Тарле возлагалось на Молока⁵⁹. Тем не менее Тарле считался формальным руководителем группы, которая к концу года увеличилась до 8 чел. Эта группа, как и группа «Архив» с момента эвакуации в Ташкент не функционировала, и в 1945 г. они были вновь воссозданы⁶⁰.

По данным на 28 мая 1945 г. зарплата Тарле по ЛОИИ, как и других докторов наук и старших научных сотрудников, составляла 1700 р.; его референт, не имевшая научной степени младший научный сотрудник А. В. Паевская, получала 600 р., а с 1 августа 700 р.⁶¹ Согласно окладам, введенным с 11 мая 1946 г., Тарле получал 4000 р., Паевская 1200 р.⁶²

В 1945 г. в ЛОИИ прошла сессия, посвященная 70-летию со дня рождения ученого, на которой О. Л. Вайнштейн сделал доклад «Работы Е. В. Тарле по всеобщей истории»⁶³. Считалось, что Тарле родился в 1875 г., точная дата рождения была установлена позднее Е. И. Чапкевичем – 27 октября (8 ноября) 1874 г.⁶⁴ А 4 июля 1945 г. Тарле присутствовал в ЛОИИ на сессии, посвященной 220-летию Академии наук⁶⁵.

Основной темой Тарле в это время была «Внешняя политика России при Екатерине II». 26 июля 1945 г. он выступал на научном заседании

⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1941 г. Д. 3. Л. 13; Ф. 133. Оп. 1. 1942 г. Д. 2. Л. 2.

⁵⁸ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 252.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 1. Л. 31.

⁶⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 4. Л. 15.

⁶¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 1. Л. 27, 76.

⁶² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 1. Л. 23.

⁶³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 2. Л. 4.

⁶⁴ Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел: Полигр.-издат. предприятие «Орел», 1994. С. 5.

⁶⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 5. Л. 21.

в ЛОИИ с докладом «Основные моменты в истории внешней политики Екатерины II». Отвечая на вопросы, ученый говорил, что Россия в XVIII столетии не была отсталой страной, что за спиной Екатерины стояли большие торговые интересы, английская торговая контора играла политическую роль, Россия была нужна Англии как противовес Франции⁶⁶. Директор Архива АН Г. А. Князев записал в дневнике: «Доклад не произвел на меня большого впечатления»⁶⁷. В последнее десятилетие жизни Тарле не создал крупных и ярких работ, а его сочинения по истории дипломатии XVIII в. написаны с великодержавных позиций. По отзыву Н. Л. Рубинштейна, лекции Тарле о внешней политике Екатерины – не столько история, сколько панегирик⁶⁸.

В 1945 г. академиком были написаны и опубликованы ряд работ, тесно связанных с этой темой: «Экспедиция в Архипелаг», «Первый раздел Польши» (подготовлена), «Адмирал Ушаков» (для «Морского сборника»)⁶⁹. Работа «Первый раздел Польши» (6 п. л.) стояла в издательском плане на 1946 г.⁷⁰ Согласно плану на 1945 г., Тарле должен был стать редактором первого тома «Истории Ленинграда», работа над которым началась еще в 1944 г. в Ташкенте⁷¹.

В перспективном плане на 1946–1950 гг. значилось, что академик должен был написать работу в 60 п. л. «Внешняя политика России XVIII–XIX вв.», охватывающую царствования Екатерины II, Павла I и Александра I⁷². Как видно из плана сектора истории Западной Европы, в 1946 г. Тарле должен был сосредоточиться на завершении большой работы о внешней политике Екатерины II общим объемом 35 п. л.⁷³ К числу задач академика относилось и редактирование документов Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецких злодеяний⁷⁴. План подписан самим Тарле, что свидетельствовало о его возвращении к руководству⁷⁵. В общем плане ЛОИИ объем работы о внешней политике Екатерины был уменьшен до 30 листов,⁷⁶ а согласно отчету, академик написал только 15 п. л.⁷⁷ Тарле также должен был написать статью

⁶⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 5. Л. 37.

⁶⁷ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 1096.

⁶⁸ Казанович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 278.

⁶⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 4. Л. 27.

⁷⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 4. Л. 26.

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 4. Л. 18.

⁷² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 4. Л. 20.

⁷³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 4. Л. 32.

⁷⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 4. Л. 32.

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 4. Л. 34.

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 4. Л. 5.

⁷⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 4. Л. 50.

для готовившегося тогда первого тома «Трудов ЛОИИ» «Поход 1796 г. Валериана Зубова в Персию» (объем 2–3 п. л.)⁷⁸. Работал академик в 1946 г., судя по отчету, и над материалами по Средиземноморской экспедиции адмирала Д. Н. Сенявина⁷⁹.

Согласно плану на 1947 г. Тарле должен был работать над темой «Внешняя политика России с 1796 г. до Тильзитского мира». «Это исследование намечено автором после того, как им будут закончены исследования о вооруженном нейтралитете при Екатерине II, о русском походе в Персию и исследование о русском флоте в Средиземном море в 1770–1807 гг.»⁸⁰ Однако в связи с длительным отсутствием ученого в Ленинграде его отчет за 1947 г. не был получен⁸¹. Тем не менее на 1948 г. было еще запланировано написание работы «Русские на Средиземном море в 1770–1807 гг.» объемом в 10 п. л.⁸²

Начавшаяся компания по борьбе с космополитизмом отразилась и на судьбе ленинградских историков⁸³. Гонения обрушились на преподавателей исторического факультета, декан В. В. Мавродин был заменен на заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Н. А. Корнатовского, многие преподаватели оказались изгнаны. В этих условиях Тарле решил оставить университет, о чем и сообщал в марте 1949 г. в письме А. Д. Люблинской, и 1 июня 1949 г. подал заявление об уходе. Корнатовский, надо сказать, и со своей стороны пытался добиться увольнения академика, ссылаясь на невыполнение им учебного плана по чтению лекций⁸⁴.

Однако в ходе начавшегося Ленинградского дела в том же 1949 г. лишился всех должностей и Н. А. Корнатовский⁸⁵. В начале 1951 г. незадолго до своего ареста, изгнанный отовсюду, он подал заявление на конкурс по замещению должности старшего научного сотрудника ЛОИИ. Конкурсная комиссия (в составе К. Н. Сербиной, С. Н. Валка и А. Г. Манькова) 1 марта отвела его кандидатуру на том основании, что в его печатных трудах

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 4. Л. 15.

⁷⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 4. Л. 33.

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 4. Л. 34.

⁸¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 4. Л. 48.

⁸² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 4. Л. 3.

⁸³ О ходе компании в Ленинграде см.: Тихонов В. В. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 236–244.

⁸⁴ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 303.

⁸⁵ Бадиков Р. А. Процесс над бывшим деканом Ленинградского государственного университета Николаем Корнатовским // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 1. С. 22–38; Болдовский К. А. «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...»: «Дело Н. А. Корнатовского» в документах Ленинградского горкома ВКП (б) 1949 г. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. № 2 (10). С. 257–307.

«содержатся политически неверные положения, элементы объективизма и цитаты из враждебных источников», указывалось и что он являлся редактором сборников документов, в которых были и тексты, «подписанные врагами народа». Все эти выдвигавшиеся против Корнатовского в ходе его преследования обвинения приводил он сам в представленной в ЛОИИ автобиографии. Нам сложно представить, какие эмоции испытывали члены комиссии, в т. ч. Валк, незадолго до того подвергавшийся идеологическим проработкам за «Советскую археографию», но вряд ли комиссия в тех условиях могла поступить по-другому⁸⁶.

После ухода из университета с ленинградской исторической наукой Е. В. Тарле связывало только ЛОИИ.

Изменившаяся политическая ситуация внесла коррективы и в план научной работы ученого. Компания по борьбе с космополитизмом, борьба против западного влияния, очевидно, предопределила и тематику его работ. От исследования политики имперской экспансии, расширения границ, которая трактовалась в сугубо положительном ключе как территориальное расширение государства, ученый перешел к изучению борьбы народов СССР против иностранных (западных) агрессоров. Эта смена темы не была вполне добровольной.

Тарле коснулся заказанной ему новой работы в письме к академику В. П. Волгину от 27 марта 1949 г. о своем планировавшемся докладе на сессии Академии наук на тему «Северная война и нашествие 1708–1709 гг.». Академик писал о переданном ему из ЦК поручении: «Говорилось, что руководство именно пожелало, чтобы „Тарле рассказал об участии *трех* агрессоров – Карла XII, Наполеона и Гитлера“. И даже настояли, чтобы я подписал договор на все три книги». «Тема этих *трех* томов о *трех* нашествиях не мной признана спешной и нужной в наше время, и ни в малейшей степени не моя инициатива была в том, что их предложили писать *мне*. Но взять их на себя я считаю своим долгом. Есть предложения, от которых не отказываются», – пишет Тарле⁸⁷. Не испытывал он энтузиазма и в связи с предстоящим докладом: «Желаете – буду читать доклад, найдете ненужным – не буду», – сообщает он Волгину⁸⁸. Е. И. Чапкевич говорит, что это поручение написать трилогию было дано академику «вскоре после войны»⁸⁹. В письме к А. С. Ерусалимскому Тарле прямо указывает, что оно исходило от И. В. Сталина, и датирует

⁸⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 22. Л. 29.

⁸⁷ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1981. С. 259.

⁸⁸ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. С. 258, 260.

⁸⁹ Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел: Полигр.-издат. предприятие «Орел», 1994. С. 158.

его 1948 г.⁹⁰ Планы и отчеты Института истории и ЛОИИ позволяют несколько уточнить дату. Согласно скорректированному плану работы ЛОИИ на 1948 г., датированному 7 мая, Тарле предстояло разрабатывать проблему «Внешняя политика России». В краткой аннотации сказано: «В 1948 году автор будет продолжать работу по истории русских дипломатических отношений конца XVIII – начала XIX века и предполагает опубликовать исследование „Русские на Средиземном море в 1770–1807 гг.“». Объем 10 п. л., срок завершения работы – декабрь 1948 г.⁹¹ В отчете же Института истории за 1948 г. говорилось, что работа по теме «Внешняя политика России при Екатерине II, Павле I и Александре I» академиком Тарле не велась. «Вместо нее написана работа „Великая Северная война и шведское нашествие на Россию“». Изменение темы вызвано новым поручением академику Е. В. Тарле, оформленному планом Академии наук на 1949 г. Вместо прежней темы в план внесена трехтомная „Оборона нашей Родины и разгром агрессоров“. Первым томом является указанная выше работа, законченная в 1948 г.»⁹² В отчете ЛОИИ, датированном 8 декабря 1948 г., указано, что новую тему Тарле разрабатывает с мая 1948 г., а написанная работа о шведском нашествии 1708–1709 гг. имеет объем 26 п. л.⁹³ В 1948 г. Тарле уже дважды выступает по новой теме: в группе Истории СССР с докладом «Вопросы истории борьбы русского народа против агрессоров в XVIII–XIX вв.» и на заседании группы Всеобщей истории с докладом «Вопросы истории борьбы русского народа против агрессоров в XVI–XX вв.», там же заслушан доклад Тарле на тему текущей политики: «Конгресс в пользу мира в городе Вроцлаве в августе 1948 г.»⁹⁴.

В плане на 1949 г. за Тарле по-прежнему была работа «Шведское нашествие на Россию в 1708–1709 гг.». В аннотации значилось: «Первая часть большой работы, начатая в 1948 г., на 1949 г. намечено ее окончание. Объем 16–20 п. л. Вторая часть включает „Нашествие Наполеона на Россию в 1812 г.“». А общая исследовательская тема была обозначена как «Борьба с агрессорами в истории СССР»⁹⁵. Впрочем, в другом варианте плана сроки сдвинулись: на 1949 г. планировалось выполнить только первую половину работы (10–12 л.), а окончание отложить до 1950 г.⁹⁶ Фактически же Тарле выполнил работу, посвященную шведскому наше-

⁹⁰ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 295.

⁹¹ НА ИРИ РАН (Научный архив Института российской истории Российской академии наук). Ф. 1. Оп. 1. Д. 418. Л. 51.

⁹² НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 420. Л. 6–7.

⁹³ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 420. Л. 100.

⁹⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 420. Л. 116–119.

⁹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 4. Л. 5.

⁹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 4. Л. 12.

ствию, в 1949 г., обогнав план на год – в этом высшие инстанции видели недостаточно серьезное отношение руководства к планированию работы сотрудников ЛОИИ⁹⁷. В отчете показан объем работы – 35 п. л.⁹⁸ Издана она была только после смерти академика⁹⁹. Работа под названием «Разгром наполеоновского нашествия» была начата в 1950 г.¹⁰⁰ Сохранилась переписка, относящаяся к исполнению плановых работ Тарле. Так, заведующий ЛОИИ М. С. Иванов сообщал в дирекцию 13 января 1951 г. о необходимости корректировки планов ряда сотрудников. И в частности о том, что Тарле не сможет завершить в 1951 г., как это планировалось, работу по второму тому его темы (а именно «Разгром Наполеона», объемом в 30 п. л.). Тема будет закончена в 1952 г. Предполагалась переработка его «Нашествия Наполеона на Россию» с учетом критики, последовавшей в 1951 г. Как известно, этот том так никогда и не был закончен¹⁰¹. В 1952 г. в «Вопросах истории» появилась лишь статья Е. В. Тарле о роли М. И. Кутузова, в которой он учел «справедливые замечания», сделанные в ходе погромной кампании 1951 – начала 1952 г.¹⁰²

Хотя официально в отчете за 1951 г. формулировка проблемы, над которой работал ученый, не подверглась радикальным изменениям: «Борьба народов СССР против иноземных захватчиков»,¹⁰³ в одном из вариантов пятилетнего плана, составлявшегося в том же 1951 г., общая тема была обозначена «Великий русский народ в борьбе против иноземных захватчиков», что, очевидно, отражало накал борьбы с космополитизмом и усиление шовинистических тенденций в политике. Однако сохранена была более мягкая формулировка «Оборона народов нашей страны и разгром агрессоров». Книгу о Наполеоновском нашествии предполагалось завершить в 1952 г., а последнюю часть трилогии в 1955 г.¹⁰⁴ Более того, в плане появилась и еще одна тема с аналогичным названием – «Борьба народов СССР против иноземных захватчиков», но не имевшая конкретного наполнения, одним из ее руководителей помимо Тарле значился генерал-лейтенант А. В. Сухомлин (руководивший Военно-историческим сектором Института истории)¹⁰⁵. Наряду с пролонгацией сроков сдачи трилогии (и даже уже написанной к весне 1949 г. ее первой части) такое

⁹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 4. Л. 34.

⁹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 4. Л. 61.

⁹⁹ Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958.

¹⁰⁰ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 308.

¹⁰¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 3. Л. 1.

¹⁰² Тарле Е. В. Михаил Илларионович Кутузов – полководец и дипломат // Вопросы истории. 1952. № 3. С. 34–82.

¹⁰³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 4. Л. 23.

¹⁰⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 5. Л. 49, 52.

¹⁰⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 5. Л. 76.

размывание ответственности можно интерпретировать как свидетельство того, что Тарле хотел уклониться от исполнения поручения высокого заказчика.

Б. С. Каганович приводит свидетельство С. А. Фейгиной о том, что Тарле не хотел писать о Сталине и надеялся прежде умереть, чем закончить заказ¹⁰⁶.

Развернувшиеся гонения против космополитов и нарастание шовинистических тенденций в стране обернулись для Тарле не только вынужденным уходом из университета и сменой темы, но и очередной волной идеологических проработок, в которых участвовали и коллеги академика по ЛОИИ. В августе 1951 г. в журнале «Большевик» появилась статья директора музея «Бородинская панорама» С. Кожухова «К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г.»¹⁰⁷. По мнению автора, книга «Нашествие Наполеона на Россию» (1938 г.) проникнута духом преклонения перед иностранными учеными, опирается на иностранные, зачастую сомнительные источники и игнорирует достоверные русские. Тарле усматривает причины победы не в героической борьбе русского народа, а в обширном пространстве России, принижает полководческий талант Кутузова, повторяет дворянско-буржуазную легенду о «спасителе» Барклае де Толли. Бородино представлено как тяжелое поражение, а не победа, и т. д. Решение о публикации этой статьи было принято Секретариатом ЦК и подписано Г. М. Маленковым. В октябре 1951 г. состоялись обсуждения этой статьи на историческом факультете ЛГУ и в Институте истории в Москве. Все выступавшие признали правоту критики, некоторые выступали и с самокритикой (С. Б. Окунь, А. В. Предтеченский). Тарле не присутствовал на этих мероприятиях¹⁰⁸. Механизм проведения такого рода проработочных собраний описал В. В. Тихонов, который даже предложил типологию их участников¹⁰⁹. В отчете ЛОИИ за 1951 г. одной из главных проблем в работе коллектива назывался недостаточно высокий уровень критики и самокритики: многие существенные недостатки в трудах сотрудников были вскрыты не в самом ЛОИИ, а партийной печатью (в пример приводилась именно критика работ академика Тарле)¹¹⁰.

¹⁰⁶ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 299.

¹⁰⁷ Кожухов С. К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года // Большевик. 1951. № 15. С. 21–35.

¹⁰⁸ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 306; Шеин И. А. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930–1950-х годов // Отечественная история. 2001. № 6. С. 102–104.

¹⁰⁹ Тихонов В. В. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 264–265.

¹¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 4. Л. 5.

Документы Архива СПБИН РАН запечатлели следующий акт разразившейся драмы. 17 января 1952 г. состоялось объединенное заседание групп Истории СССР и Всеобщей истории ЛОИИ. В повестке дня было вновь обсуждение книги Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию», которая опять была подвергнута критике. Присутствовали 61 чел., из которых 31 были сотрудниками и аспирантами ЛОИИ, а остальные представляли другие научные и образовательные учреждения города: ЛГУ, Институт имени М. Н. Покровского, Институт имени А. И. Герцена, Музей архитектуры Ленинграда, Публичную библиотеку, Институт физкультуры, Центральные курсы трудовых резервов, воинские части и др.¹¹¹ Председательствовал д. и. н. профессор М. В. Левченко, руководитель Византийской группы ЛОИИ. В принятой резолюции Тарле обвинялся в некритическом использовании буржуазной историографии и иностранных источников, принижении роли Кутузова, который как стратег и тактик стоял выше Наполеона, неправильном освещении Бородинского сражения, Московского пожара и других событий. Научным сотрудникам и аспирантом следовало учесть ошибки Тарле. Резолюция предписывала «научным сотрудникам ЛОИИ обратить в своих исследованиях внимание на необходимость квалифицированного и всестороннего освещения вопросов военной истории», а также «учесть необходимость развертывания на заседаниях групп критики и самокритики, направленной на вскрытие и преодоление каких-либо методологических ошибок в обсуждаемых работах»¹¹². Председатель особо отметил, что академик Тарле находится в Москве и не смог «присутствовать на нашем собрании. От этого ценность обсуждения его ошибок значительно пострадала»¹¹³.

Заседание было хорошо режиссировано. Сначала следовала критика со стороны молодых коллег, сотрудников ЛОИИ. Первым выступил Н. В. Киреев, служивший во время войны на Забайкальском фронте, только что защитивший кандидатскую диссертацию младший научный сотрудник, ставший в том же 1952 г. секретарем Археографической комиссии. В целом он выступил шаблонно, пересказав все обвинения, выдвинутые журналом «Большевик», и призвал к преодолению советскими историками влияния дворянско-буржуазной историографии, критическому отношению к трудам своих коллег и к своим собственным. Ошибки Тарле, по его мнению, стали возможны именно из-за «недостаточного развития критики и самокритики в Институте истории АН СССР»¹¹⁴. Далее следовало более пространное выступление С. С. Волка, также фронтовика,

¹¹¹ Архив СПБИН РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 19 об.

¹¹² Архив СПБИН РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 17–18.

¹¹³ Архив СПБИН РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 36.

¹¹⁴ Архив СПБИН РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 24, 27.

ученика С. Н. Валка, защитившего в 1950 г. кандидатскую диссертацию. Он обозначил путь, по которому должны были идти советские историки. Этот путь был указан товарищем Сталиным, который еще в годы войны назвал Кутузова «в числе гениальнейших людей русской нации». «Руководствуясь указаниями т. Сталина, советские историки приступили сейчас к пересмотру старой буржуазно-дворянской концепции о войне 1812 г.»¹¹⁵. Волк, сам никогда военной историей не занимавшийся, критиковал Тарле за то, что он «не пошел по пути раскрытия действительной стратегии Кутузова»¹¹⁶, разоблачал порочные идеи буржуазной историографии относительно влияния климата и географии на исход военных действий, проводя все время параллели с эпохой Великой Отечественной войны, когда Гитлер и его пособники также оправдывали свои неудачи ссылками на географические факторы¹¹⁷. Это придавало обвинениям против Тарле политический характер. Опасным было и обвинение, хотя и сформулированное косвенно, в пропаганде культа Наполеона, характерном будто бы для дореволюционной историографии, которой так увлекался академик¹¹⁸. Тарле следовало опираться на свидетельства, исходящие из штаба Кутузова, на передовые, прежде всего декабристские мемуары; нет у Тарле, по мнению Волка, и квалифицированного анализа военных действий, он недооценивает передовую русскую военную мысль¹¹⁹. Последним выступал полковник Д. К. Жеребов, военный инженер, впоследствии историк блокады. Он обратил внимание на то, что Тарле и в своей книге о Крымской войне не показывает прогрессивной линии развития военного и военно-инженерного искусства, принижает роль П. С. Нахимова, В. А. Корнилова и В. И. Истомина, возвеличивая Э. И. Тотлебена¹²⁰. «Имя Тотлебена (Тарле. — Б. М.) ставит перед именами Нахимова, Истомина». «Всякая попытка приписать Тотлебену особые заслуги в деле организации обороны Севастополя, поставить его в один ряд с Нахимовым, Корниловым и Истоминным является искажением исторической правды, фальсификацией истории»¹²¹.

Но в середине заседания было отведено место для историков, которые следовали ошибочным взглядам Тарле и которым предстояло каяться. В данном случае это были С. Б. Окунь и А. В. Предтеченский. Они сохраняли дань уважения к старшему маститому коллеге и, в отличие от других выступающих, называли его по имени и отчеству.

¹¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 28.

¹¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 32.

¹¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 31, 32.

¹¹⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 33.

¹¹⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 34–36.

¹²⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 54, 60.

¹²¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 60, 64.

Окунь говорил пространно, он указал на связь ошибок Е. В. Тарле с антинаучной концепцией М. Н. Покровского, с его «методологическими извращениями». Но «именно сейчас выходом гениальных работ тов. Сталина по вопросам языкознания был нанесен сокрушительный удар по антимарксистским взглядам Покровского»¹²². Сталинское указание, по мнению Окуня, «с исчерпывающей полнотой раскрывает нам полководческое искусство Кутузова», и, следовательно, заявление Тарле о том, что М. И. Кутузов воспринял тактику М. Б. Барклая де Толли, является извращением истории 1812 г.¹²³ Далее Окунь вступает на путь самооправдания: он в своем лекционном курсе, мол, наоборот, утверждал, что это Барклай воспроизводил кутузовский отступательный маневр 1811 г.¹²⁴ Далее Окунь подробно и противоречиво кается в переоценке роли Барклая, ссылаясь на работы восходящих звезд советской историографии – П. А. Жилина и Л. Г. Бескровного¹²⁵. Очень ярко сформулировал Окунь суть претензий к «порочной» схеме Тарле в оценке Московского пожара: «утверждая, что Москву сожгли русские патриоты, смазывается характер наполеоновских завоеваний». С доносом граничит часть выступления Окуня, где он называет ряд работ самого последнего времени, т. е. вышедших уже после статьи Кожухова, где важнейшие вопросы освещены «смазанно», недостаточно определенно (тут досталось даже Л. Г. Бескровному и Н. Ф. Гарничу)¹²⁶.

Короче всех говорил А. В. Предтеченский. Он признал наличие в своих работах всех тех ошибок, которые Кожухов числил за Тарле. «Прежде всего, статья Кожухова мобилизует наше внимание на то, чтобы при пользовании источниками мы соблюдали хотя бы элементарное партийное отношение к исторической науке, к истории, как раз того, чего в книге Евгения Викторовича не было. Это относится не только к историкам войны 1812 г. и военным историкам, но это относится к историкам любой страны и любого народа, ибо отношение к источникам у каждого историка должно быть не такое как у Евгения Викторовича»¹²⁷. Внимание историков раньше было сосредоточено на том, кто поджег Москву физически. «Внимание советских историков должно быть устремлено не на решение проблемы, кто поджег Москву, а на то, кто несет юридическую, политическую, моральную и др. ответственность за этот пожар»¹²⁸. Что касается чисто военных вопросов, то Предтеченский ссылаясь на то, что

¹²² Архив СпБии РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 37–38.

¹²³ Архив СпБии РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 39.

¹²⁴ Архив СпБии РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 40.

¹²⁵ Архив СпБии РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 40–43.

¹²⁶ Архив СпБии РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 43–44.

¹²⁷ Архив СпБии РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 49.

¹²⁸ Архив СпБии РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 50.

гражданские историки, такие как Тарле и он сам, в них плохо разбираются¹²⁹. «Мне представляется, что все мы, занимающиеся войной 1812 года, и те историки, которые будут ею заниматься, никогда не должны забывать тех выводов, которые сами собой напрашиваются из статьи Кожухова, и особенно, я бы сказал, из ответа редакции «Большевика» на письмо Евгения Викторовича Тарле в связи со статьей Кожухова»¹³⁰. Конечно, уж редакции-то виднее, заметим мы. Фактически Предтеченский в своем выступлении демонстративно отказывался от основных принципов научного исследования, от опоры на источник. Все это звучит в устах такого историка, как Предтеченский, учитывая всю его предшествующую и последующую научную биографию, так странно, так гротескно, что кажется, будто он осознанно давал понять профессиональной аудитории абсурдность того, что он говорит.

По свидетельству современников, в частности Н. Е. Носова, гонения начала 1950-х гг. сильно сказались на «научном тоне» Е. В. Тарле¹³¹. Несомненно, травмировало все происходящее и участников подобных проработок. Научная дискуссия, критика по существу заменялась вынужденным самобичеванием и шельмованием коллег. По выражению Р. Ш. Ганелина, «иногда оставаться на воле было не легче, чем сидеть»¹³². Мы не знаем, как относился сам Тарле к высказываниям в его адрес коллег, профессионализм которых он уважал. Б. А. Романов, оказавшийся в 1948 г. в подобной же ситуации в связи с критикой «Людей и нравов Древней Руси», даже сочувствовал им. «Здесь поручено доложить о моей книжке Ивану Ивановичу (Смирнову. – Б. М.), – писал Романов Е. Н. Кушевой. – Я очень соболезную ему, но с интересом жду, что он скажет по существу и как выйдет из положения». И далее в связи с вероятностью обсуждения его книги в Москве: «Выслушивать лично Вас, когда Вы были бы связаны своим положением в секторе, у меня нет ни охоты, ни бессердечия»¹³³.

Б. С. Каганович справедливо пишет: «Последние 10–15 лет творчества Е. В. Тарле трудно определить иначе как период упадка большого таланта в удушающей атмосфере сталинского режима»¹³⁴.

На рубеже 1940–1950-х гг. Тарле бывал в Ленинграде редко. 30 мая 1949 г. ученый секретарь ЛОИИ Г. Е. Кочин обратился к нему с просьбой выступить оппонентом на защите кандидатской диссертации буду-

¹²⁹ Архив СПБНИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 51.

¹³⁰ Архив СПБНИИ РАН. Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19. Л. 52.

¹³¹ Носов Н. Е. Из воспоминаний об академике Евгении Викторовиче Тарле. С. 54.

¹³² Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. С. 122.

¹³³ Цит. по: Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 261.

¹³⁴ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. С. 311.

щего члена-корреспондента АН СССР В. И. Рутенбурга «Флорентийские компании Италии XIV в.»¹³⁵ Тарле в ответ прислал на маленькой почтовой карточке записку, что он будет в Ленинграде с 7 по 15 июня, тогда и сможет выступить¹³⁶. Защита состоялась 15 июня. Кроме Тарле, оппонентами были М. В. Левченко и Е. Ч. Скржинская¹³⁷. Впрочем, отзыв Тарле был довольно формальный и ироничный, хотя и положительный. В своей неповторимой манере Е. В. отозвался о слишком детальном и, видимо, несколько путаном описании работы чесальщиков шерсти: «Насчет чесальщиков шерсти я прочел и пришел к умозаключению, что из нашего брата историка порядочного чесальщика флорентийской шерсти не выйдет... Я мог бы упрекнуть (диссертанта. – Б. М.) в некоторых недостатках, неясностях по этой части... Так как я сам не совсем хорошо понимаю все подробности чесания шерсти, если бы я Вас упрекнул, то Вы могли бы мне вернуть этот упрек». В качестве достоинства работы академик указал на использование автором хронологических выписок К. Маркса и на успешную борьбу автора с различными историографическими «извращениями»¹³⁸. Даже в конце 1930-х гг. в рамках научного дискурса Тарле избегал таких откровенных идеологических реверансов.

Из десяти заседаний Ученого совета в 1951 г. Тарле присутствовал только на двух, в январе и в июле¹³⁹. Однако по-прежнему в начале 1950-х продолжал быть главой группы Всеобщей истории. Так, в январе 1951 г. он председательствовал на трех заседаниях, на одном из которых выступал с рецензией о вышедшем третьем томе «Дневника» Д. А. Милютин¹⁴⁰. На заседаниях группы он обязательно выступал и непременно подсказывал докладчику дальнейшие перспективы работы над темой, ее возможные новые повороты.

Для характеристики личных, человеческих качеств Тарле имеет значение то, как он относился к близким ему коллегам, попавшим в сложную ситуацию. Приведем две такие истории, о которых свидетельствуют документы архива СПБИН РАН. Одна из них связана с референтом академика Анастасией Владимировной Паевской (1910–1980). Она происходила из интеллигентной семьи и работала с 1938 по 1967 г. главным библиографом научно-библиографического отдела Государственной центральной библиотеки иностранной литературы в Москве и одновременно по совместительству с 1 апреля 1944 г. вплоть до упразднения ЛОИИ в 1953 г.

¹³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 6. Л. 29.

¹³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 6. Л. 31.

¹³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 6. Л. 47, 38.

¹³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 7. Л. 3–4; Д. 17. Л. 9–11.

¹³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 10. Л. 1, 42.

¹⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 15. Л. 4.

числилась там младшим научным сотрудником. Оставалась она референтом академика и позднее. Распорядительным постановлением Президиума АН от 5 июля 1946 г. совместительство было ограничено. Оно позволялось только для старших научных сотрудников и то при наличии разрешения с основного места работы. Однако исполнялось постановление непоследовательно, о необходимости его соблюдения Президиум АН вновь напомнил 10 апреля 1947 г.¹⁴¹ Поэтому с 1 мая 1947 г. Паевская работала на полставки и получала 50% оклада, т. е. 600 р.¹⁴²

15 июля 1948 г. появился приказ заведующего ЛОИИ С. И. Аввакумова об освобождении Паевской с 1 сентября от работы в ЛОИИ «в связи с установленным в Академии наук СССР положением о работе младших научных сотрудников». О приказе были направлены уведомления в тот же день самой Паевской и Тарле. Однако 30 августа появился другой приказ: считать Паевскую восстановленной на работе с 1-го же сентября. Этот приказ был подписан исполняющим обязанности заведующего ЛОИИ Г. Е. Кочинным. Основанием названо полученное из Института истории АН СССР отношение от 23 августа¹⁴³. Еще 5 июля в письме заместителю директора Института истории В. И. Шункову заведующий ЛОИИ Аввакумов объяснял свою позицию в отношении Паевской необходимостью руководствоваться требованиями «о соблюдении строгой штатной дисциплины». «Для меня, — пишет Аввакумов, — т. Паевская является лицом полумифическим, за год моей работы в ЛОИИ я ни разу ее не видел, заработная плата ей высылается почтовыми переводами»¹⁴⁴. Действительно, из списков сотрудников ЛОИИ видно, что Паевская проживала в Москве, на улице Грановского, д. 3. По специальности она была переводчицей¹⁴⁵. Между тем, получив приказ, Тарле направил Аввакумову «ультимативную телеграмму» (ее текст нами не обнаружен). В ней упоминались «особые поручения от ЦК ВКП(б)», данные Тарле, о которых Аввакумову было ничего не известно. Обо всем этом он сообщил директору Института истории Б. Д. Грекову, приложив текст телеграммы и предложив согласовать вопрос об оставлении Паевской в ЛОИИ с Президиумом АН. Аввакумов добавил, что еще в 1946 г. исполнявшая обязанности заведующей ЛОИИ К. Н. Сербина «пыталась ликвидировать это ненормальное положение», но академик Тарле пригрозил ей пожаловаться тов. Сталину, и Сербина отступилась¹⁴⁶. 26 августа Греков ответил,

¹⁴¹ СРБФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 2. Л. 9.

¹⁴² СРБФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 1. Л. 47.

¹⁴³ СРБФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 1. Л. 43, 55; Д. 13. Л. 7, 8.

¹⁴⁴ СРБФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 13. Л. 2.

¹⁴⁵ СРБФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 9. Л. 53.

¹⁴⁶ СРБФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 13. Л. 12.

что вопрос о младших научных сотрудниках решается не Президиумом, а Институтом или Отделением (именно так Борису Дмитриевичу разъяснили в Президиуме, куда он письменно обратился). «Мнение Института и Отделения Вам известно. Стало быть ответственность за оставление в должности младшего научного сотрудника т. Паевской на полставки берет на себя Отделение», – заключил Греков¹⁴⁷. Аввакумов, как опытный аппаратный работник, предпочел не сориться с Тарле, но, решив подстраховаться, обратился в Ленгорфинотдел и получил его постановление, согласно которому требовалось получить разрешение на совместительство от основного места работы Паевской. В связи с чем 2 сентября, т. е. уже после отмены приказа об увольнении, в Москву был направлен соответствующий запрос. Более того, Аввакумов обратился к Паевской с просьбой ускорить присылку согласия ГБИЛ¹⁴⁸. Очевидно, согласие было получено. Паевская осталась на своем месте. Анастасия Владимировна не только выполняла библиографическую работу, но и читала гранки. В отчете за 1949 г. значится также, что она подбирала материалы для 6 статей, написанных Тарле «для иностранного Отдела Совинформбюро»¹⁴⁹.

Другая история касается Раисы Михайловны Тонковой (1889–1970), библиографа, книговеда, кандидата филологических наук по специальности «литературоведение». Приобретая опыт библиографической работы в Публичной библиотеке, с 1931 г. она работала в Институте книги, документа и письма, затем в Историко-археографическом институте, а с 1936 г. в ЛОИИ; владела французским, английским и немецким языками¹⁵⁰. Одной из магистральных тем, интересовавших ее, была библиография изданий времен Великой Французской революции. К концу 1940 г. Р. М. Тонкова подготовила большую библиографическую работу – «Печатные издания периода буржуазной революции во Франции 1789–1794 гг. в основных книгохранилищах СССР. Сводный каталог» объемом в 100 п. л., это был плод многолетней работы¹⁵¹. На заседании дирекции ЛОИИ 30 и 31 августа 1940 г., проводившемся с участием замдиректора Института А. М. Панкратовой, по предложению Тарле было принято решение о том, что группа Новой истории должна заинтересоваться работой Р. М. Тонковой и поставить ее доклад¹⁵². Очевидно, что работа Тонковой интересовала Тарле как историка Французской

¹⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 13. Л. 21.

¹⁴⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 13. Л. 25–26.

¹⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 3. Л. 25.

¹⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 1. Л. 23; Д. 9. Л. 145.

¹⁵¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616. Л. 84–85.

¹⁵² СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1612. Л. 3.

революции. В послевоенные годы в ЛОИИ она занималась темой «Эбер и эбертисты». Тарле руководил ее докторской диссертацией. В 1946 г. возникли проблемы с переутверждением ее в звании старшего научного сотрудника. 15 июня 1946 г. и. о. зав. ЛОИИ К. Н. Сербина обратилась в Институт истории АН СССР с просьбой ходатайствовать перед Ученым советом о пересмотре вопроса о присуждении Р. М. Тонковой звания старшего научного сотрудника. К письму Сербиной прилагалось заключение Е. В. Тарле¹⁵³. В своем отзыве, приложенном к повторному ходатайству, Тарле отмечал, что в последнее время Тонкова представила отчет «о своих изысканиях в колоссальной сокровищнице революционных памфлетов и листовок, на основании которых она строит свою докторскую диссертацию». «Это новое, самое последнее по времени исследовательское достижение Тонковой дает еще один существенный аргумент, вполне подтверждающий заслуженное лестное мнение о научной ее работе – мнение всех без исключения тех членов института, которые в самом деле следят за ее работой»¹⁵⁴. Тонкова и в дальнейшем продолжала оставаться старшим научным сотрудником. 31 июля 1947 г. Тарле подал в дирекцию ЛОИИ записку с предложением включить первую часть подготовленного Тонковой еще до войны каталога в издательский план ЛОИИ на 1948 г. Ответственным редактором этой работы был доктор исторических наук Ф. В. Потемкин. Однако война помешала изданию каталога¹⁵⁵. Потемкин, руководивший в 1947 г. сектором Новой истории Института истории АН СССР, также представил хвалебный отзыв на работу Тонковой, «соединяющей в себе талант и эрудицию историка-западника со специальными знаниями и навыками превосходного библиографа»¹⁵⁶. Обследование книгохранилищ СССР Тонкова продолжала и позднее, в том же 1947 г. она запрашивала командировку во Львов для поиска изданий эпохи Великой Французской революции в библиотеке Львовского филиала Украинской Академии наук¹⁵⁷. Согласно плану на 1948 г. Тонкова занималась темой «Эбер и его газета „Le Père Duchêne“», она исследовала отражение в этом печатном органе событий революции и планировала установить связь политической эволюции Ж.-Р. Эбера и его газеты с изменением настроений народных масс¹⁵⁸. Позднее, после закрытия ЛОИИ Р. М. Тонкова стала заместителем директора Библиотеки Академии наук.

¹⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 9. Л. 18.

¹⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 9. Л. 20.

¹⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 10. Л. 18.

¹⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 10. Л. 19.

¹⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 10. Л. 22.

¹⁵⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 418. Л. 51.

Несмотря на то что о Е. В. Тарле написано много, документы, отложившиеся в фондах Института истории и его Ленинградского отделения (ныне они находятся в трех архивохранилищах: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Научный архив Института истории РАН и Научно-исторический архив СПбИИ РАН), дают возможность высветить новые грани его научной биографии. Они позволяют увидеть знаменитого ученого в естественной для него среде – действующего в рамках академических практик и институций (некоторые из них он сам и формировал), в окружении коллег-исследователей (на ученых советах, на заседаниях групп), когда он мог в публичном пространстве максимально откровенно (насколько, конечно, вообще позволяло время) высказывать свои суждения и артикулировать исследовательские принципы. Стенограммы сохранили его живую, ироничную, хоть и несколько дидактичную речь. Пережив ссылку и вернувшись в науку, он продолжал демонстрировать приверженность ценностям дореволюционной науки, выступая против политизации историографии, требуя знания трудов западных ученых, кропотливой работы в архиве, рассматривая историю России в рамках европейской истории. Еще одна сторона личности Е. В. Тарле, отразившаяся в архивных документах, – следование высоким этическим принципам научной корпорации, стремление защитить ближайших сотрудников. Вместе с тем сохранившееся делопроизводство Института истории позволяет лучше проследить изменение тематики исследований ученого под влиянием внешних обстоятельств и в какой-то степени, сопротивление этим обстоятельствам. В позднесталинские годы ученый подвергся идеологическим проработкам, в том числе и в стенах ЛОИИ, которое на рубеже 1940–1950-х приобрело для него особое значение, поскольку оставалось единственной институциональной связью с дорогим его сердцу Петербургом–Ленинградом, с петербургской академической наукой, в которую Тарле был интегрирован большую часть жизни. Может быть, Ленинградское отделение для ученого было в этот период важнее, чем он для него. Тарле очевидно переживал творческий кризис, его отношения с властью были непростыми (в сущности, он саботировал поручение Сталина), научной школы он тоже не создал, да и, судя по всему, не стремился к этому. Но своим присутствием в ЛОИИ он олицетворял живую связь с дореволюционной российской наукой.

ИСТОЧНИКИ

Делопроизводственные:

СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук).

- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1445: Списки штатов ЛОИИ. 1937 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1446: Материалы по личному составу ЛОИИ. 1937 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1489: Протоколы заседаний общих собраний, дирекции Института, секторов, групп. 1937 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1491: Состояние работ ЛОИИ за 1937 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1493: Отчеты о выполнении плана за 1937 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1494: Материалы к отчету за 1937 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1522: Производственные планы Института на 1938 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1530: Протоколы заседаний группы Новой истории 1938 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1581: Производственные планы Института истории на 1939 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1612: Протоколы заседаний Дирекции ЛОИИ за 1940 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1614: Материалы по защите диссертаций тт. Бочкаревой и Кочиным. 1940–1941 гг.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1616: Материалы к заседаниям Ученого совета. 1940 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1617: Планы на 1940 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1643: Протоколы заседаний Ученого совета ЛОИИ за 1941 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1645: Протоколы научных совещаний при ЛОИИ. 1941 г.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1652: Планы работ ЛОИИ и отдельных сотрудников. 1941–1942 гг.
- Ф. 133. Оп. 1. Д. 1660: Группа Новой истории: планы, отчеты, протоколы, переписка. 1941 г.
- Ф. 133. Оп. 1. 1941 г. Д. 3: Приказы по ЛОИИ и по Институту истории, гор. Казань. 1941–1943 гг.
- Ф. 133. Оп. 1. 1942 г. Д. 2: Переписка с Президиумом АН по вопросу размещения эвакуированных сотрудников, г. Казань.
- Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 1: Приказы по ЛОИИ.
- Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 2: Административно-организационная деятельность ЛОИИ.
- Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 4: Отчет о научной работе, производственный план 1945 г. и отчеты сотрудников.
- Ф. 133. Оп. 1. 1945 г. Д. 5: Переписка по научным вопросам.
- Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 1: Приказы по ЛОИИ.
- Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 4: Отчет о научной работе за полугодие и за 1946 г.
- Ф. 133. Оп. 1. 1946 г. Д. 9: Переписка по личному составу. Ч. 2.
- Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 1: Приказы по ЛОИИ.
- Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 2: Распоряжения и приказы по Институту истории и Президиуму АН СССР.
- Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 4: Отчет о научной работе ЛОИИ, производственный план, список готовых работ.
- Ф. 133. Оп. 1. 1947 г. Д. 10: Переписка по личному составу. Ч. 2.
- Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 1: Приказы по ЛОИИ.
- Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 4: Производственный план и отчет за 1948 г.
- Ф. 133. Оп. 1. 1948 г. Д. 13: Переписка по личному составу. Ч. 2.

Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 3: Переписка по планированию и отчетности научной работы.

Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 4: Производственный план и отчет за 1949 г.

Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 6: Переписка по вопросу Ученого совета.

Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 7: Протоколы Ученого совета.

Ф. 133. Оп. 1. 1949 г. Д. 17: Стенограммы заседаний Ученого совета ЛОИИ.

Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 3: Переписка по планированию и отчетности научной работы

Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 4: Отчет ЛОИИ о ходе выполнения планов за три квартала.

Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 5: Планы научно-исследовательской работы, планы на 5-летие, по многотомной «Всемирной истории».

Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 10: Протоколы Ученого совета ЛОИИ.

Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 15: Протоколы заседаний группы Всеобщей истории.

Ф. 133. Оп. 1. 1951 г. Д. 22: Материалы по конкурсу на замещение должности старшего научного сотрудника.

Архив СПБНИИ РАН (Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук).

Ф. 276. Оп. 2. Д. 91: Е. В. Тарле. «Крымская война». Т. 1. Машинопись.

Ф. 350. Оп. 1. Ч. 1. Д. 19: Протоколы и стенограммы (с приложениями) заседаний группы истории СССР за 1952 г.

НА ИРИ РАН (Научный архив Института российской истории Российской академии наук).

Ф. 1. Оп. 1. Д. 418: Планы работ института и ЛОИИ на 1948 г.

Ф. 1. Оп. 1. Д. 420: Отчет института и ЛОИИ за 1948 г.

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / Сост. В. Д. Есаков. Т. 1. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000.

Тарле Е. В. Выступление на защите докторской диссертации А. В. Предтеченского «Политические настроения в России в начале XIX века и их отражение в правительственной политике» (19 марта 1941 г.) // *Тарле Е. В.* Россия и Запад. Из неопубликованного и забытого. / Подг. печати Б. С. Каганович. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. С. 405–411.

Воспоминания и переписка:

Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х годах. 2-е изд. СПб.: Нестор-История, 2006.

Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М.: Наука, 1981.

Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009.

Носов Н. Е. Из воспоминаний об академике Евгении Викторовиче Тарле // Проблемы истории международных отношений. Сб. статей памяти академика Е. В. Тарле. Л.: Наука. Лен. отделение, 1972. С. 51–55.

Фурсенко А. А. Встречи с Е. В. Тарле // Всеобщая история и история культуры: петербургский историографический сборник. СПб.: Лики России, 2008. С. 214–216.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бадиков Р. А. Процесс над бывшим деканом Ленинградского государственного университета Николаем Корнатовским // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 1. С. 22–38.

Болдовский К. А. «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...»: «Дело Н. А. Корнатовского» в документах Ленинградского горкома ВКП (б) 1949 г. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. № 2 (10). С. 257–307.

Злотников М. Ф. Континентальная блокада и Россия. М.; Л.: Наука, 1966.

Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Издательство ЕУСПб., 2014.

Кожухов С. К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 года // Большевик. 1951. № 15. С. 21–35.

Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Предтеченский А. В. Политические настроения в России в начале XIX в. и их отражение в правительственной деятельности. Тезисы к дисс. ... д. и. н. Л.: ЛГУ, 1941.

Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сб. ст. Ч. 1–2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939–1940.

Тарле Е. В. Жерминаль и Прериаль. М.: Соцэкгиз, 1937.

Тарле Е. В. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат // Вопросы истории. 1952. № 3. С. 34–82.

Тарле Е. В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М.: Соцэкгиз, 1958.

Тихонов В. В. Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016.

Французская буржуазная революция XVIII века (обзор литературы) // Историк-марксист. 1940. № 4–5.

Чапкевич Е. И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Евгения Викторовича Тарле. Орел: Полигр.-издат. предприятие «Орел», 1994.

Шеин И. А. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930–1950-х годов // Отечественная история. 2001. № 6. С. 97–108.

REFERENCES

The Academy of Sciences in the decisions of the Politburo of the Central Committee of the Russian Communist Party(b)–VKP(b)–CPSU. 1922–1991 / Comp. V. D. Yesakov. Vol. 1. 1922–1952. Moscow: ROSSPEN, 2000. (in Russian)

Badikov R. A. The trial of former dean of Leningrad State University Nikolai Kornatovsky // Bulletin of St. Petersburg University. History. 2024. Vol. 69. Issue 1. Pp. 22–38. (in Russian)

Boldovsky K. A. "I ask you to trust me, because I had no other life besides life in the party and with the party, there is no and will not be ...": "The case of N. A. Kornatovsky" in the documents of the Leningrad City Committee of the CPSU (b) in 1949 // *Modern History of Russia*. 2014. No. 2. S. No. 2 (10). Pp. 257–307. (in Russian)

Ganelin R. S. Soviet historians: what they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s and 1970s. 2nd ed. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2006. (in Russian)

Zlotnikov M. F. The Continental Blockade and Russia. Moscow; L.: Nauka, 1966. (in Russian)

From the literary heritage of Academician E. V. Tarle. Moscow: Nauka Publ., 1981. (in Russian)

Knyazev G. A. Days of Great trials. Diaries 1941–1945. St. Petersburg: Nauka Publ., 2009. (in Russian)

Kaganovich B. S. Evgeny Viktorovich Tarle. The historian and the time. St. Petersburg: EUSPb Publishing House, 2014. (in Russian)

Kozhukhov S. On the question of assessing the role of M. I. Kutuzov in the Patriotic War of 1812 // *Bolshevik*. 1951. No. 15. Pp. 21–35. (in Russian)

Nosov N. E. From the memoirs of Academician Evgeny Viktorovich Tarle // Problems of the history of international relations. Collection of articles in memory of Academician E. V. Tarle. L.: Nauka. Len. Department, 1972. Pp. 51–55. (in Russian)

Paneyakh V. M. Creativity and fate of the historian: Boris Alexandrovich Romanov. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2000. (in Russian)

Predtechensky A. V. Political sentiments in Russia in the early 19th century and their reflection in government activities. Theses to the dissertation of the Doctor of Historical Sciences: Leningrad State University, 1941. (in Russian)

Against the historical concept of M. N. Pokrovsky. Collection of articles 1–2. M.; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1939–1940. (in Russian)

Tarle E. V. Presentation on the defense of A. V. Predtechensky's doctoral thesis "Political sentiments in Russia at the beginning of the 19th century and their reflection in government policy" (March 19, 1941) // *Tarle E. V. Russia and the West. From unpublished and forgotten. / Printed by B. S. Kaganovich*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2020. Pp. 405–411. (in Russian)

Tarle E. V. *Germinal and Prairie*. Moscow: Sotsekgiz, 1937. (in Russian)

Tarle E. V. Mikhail Illarionovich Kutuzov – military commander and diplomat // *Questions of history*. 1952. No. 3. Pp. 34–82. (in Russian)

Tarle E. V. The Northern War and the Swedish invasion of Russia. Moscow: Sotsekgiz, 1958.

Tikhonov V. V. Ideologicheskie kampanii pozdnego stalinizma i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 g.). M.; SPb., 2016. (in Russian)

The French Bourgeois Revolution of the XVIII century (literature review) // *Marxist Historian*. 1940. № 4–5. (in Russian)

Fursenko A. A. Meetings with E. V. Tarle // *Universal history and history of culture: St. Petersburg historiographical collection*. St. Petersburg: Faces of Russia, 2008. Pp. 214–216. (in Russian)

Chapkevich E. I. Until the pen fell out of his hands.... The life and work of academician Evgeny Viktorovich Tarle. Orel: Polygr.-ed. The Orel enterprise, 1994. (in Russian)

Shein I. A. Stalin and the Patriotic War of 1812: the experience of Studying Soviet historiography in the 1930s and 1950s. 2001. No. 6. Pp. 97–108. (in Russian)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Архив СПбИИ РАН – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

НА ИРИ РАН – Научный архив Института российской истории Российской академии наук.